

жизни». Здесь задаются принципиально новые топосы и соответствующие линии поведения: во-первых, жизнь начинает пониматься как необратимое движение по России, оканчивающееся возвращением к «родному очагу» и «отеческим гробам», во-вторых, выявляется зависимость мироощущения поэта от возраста.

Своего рода кульминации научный сюжет достигает в главе, посвященной роману «Евгений Онегин». Его герой, по убеждению исследователя, дает Пушкину необходимую призму для «осмысления своего поведения как бытия» (с. 138).

Вошедшая в качестве приложения глава о природной морфологии поведения пушкинского лирического героя подкрепляет общие выводы о пушкинской поэзии как о «самом масштабном социокультурном обобщении русского дворянского бытия Нового Времени» (с. 184).

Анализируемый в монографии материал чрезвычайно обширен, хотя тема такова, что отдельные произведения неизбежно остаются за пределами авторского внимания. Очевидно,

книга выиграла бы, обратись автор к «Графу Нулину» и особенно к «Дому в Коломне» в связи с анализом «Евгения Онегина», к стихотворению «Румяный критик мой...», поскольку присутствующие в этих текстах поведенческие модели могут служить ярчайшими примерами пересечения литературного мифа, реальной жизни и творчества. При вполне убедительном анализе пушкинской комедии с явной «карнавальностью» ее сюжетов и произведений, особенно ранних, огорчает отсутствие отсылок к соответствующим наблюдениям М. М. Бахтина.¹ Однако нет сомнений, что новая монография Иванникова вносит заметный вклад в пушкинистику, а предложенная в ней исследовательская модель может быть обращена и на поэтическое поведение других авторов, причем не только Золотого века отечественной словесности.

¹ См.: Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. С. 80—129.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-251-252

© А. А. Холиков

МАРКСИСТЫ БЕЗ РЕТУШИ (ИСТОРИЯ — МЕТОДОЛОГИЯ — МИРОВОЗЗРЕНИЕ)*

Отечественная марксистская критика включает деятельность не менее семидесяти авторов, перу которых принадлежит более полутора тысяч статей. В XX веке она испытала на себе одно из проявлений собственного подхода к литературным феноменам — *исследовательский редукционизм*. В советское время из поля зрения выпали те ее пласты, которые не совпали с ленинской позицией, а после распада СССР вся она была фактически девальвирована. Но наука о литературе в своем академическом самоосмыслении не терпит лакун. И вслед за Г. Карпи, который последовательно реконструировал общую историю русского марксизма (его книга годом раньше вышла в том же издательстве, что и рецензируемая монография), М. В. Михайлова детально воссоздает панораму марксистской критики рубежа XIX—XX веков, уделяя пристальное внимание «забытым» именам (И. Аксельрод, М. В. Морозов, В. М. Шулятиков) и отдавая должное предшественникам, преодолевавшим в ее изучении рамки официозных схем (Л. А. Иезуитова, В. А. Кел-

дыш, Б. С. Мейлах, П. А. Николаев). К сожалению, в работе не упомянута диссертация М. Окутюрье «Теоретические проблемы марксистской литературной критики от зарождения до 1932 года» (1980). Для западного читателя это не менее фундаментальный труд, чем рассматриваемая нами книга, претекстом которой тоже выступает диссертационное исследование ее автора.

Тем не менее по библиографической оснащенности работа Михайловой обладает непревзойденной эвристической ценностью. В список литературы вошли тексты по марксизму общего характера, труды по философии, теории, истории литературы и литературной критике (с разграничением на дореволюционный и послереволюционный периоды; по такому же принципу разведены статьи, рецензии и заметки о работах критиков-марксистов), а также литературно-критические публикации марксистов, продолжением которых служит впервые составленная библиография дореволюционных выступлений Н. Чужака и М. В. Морозова в периодических изданиях. Многие использованные источники вводятся в научный оборот впервые по архивам Дома Плеханова, М. Горького, РАН, МГУ, ИРЛИ, РГАЛИ, РГБ, РНБ и др.

* Михайлова М. В. Марксисты без будущего. Марксизм и русская литературная критика (1890—1910-е гг.). М.: Common place, 2017. 662 с.

С первых страниц Михайлова постулирует проблемно-диахроническое расположение материала, согласно выделяемым ею этапам поисков марксистской методологии в 1890—1910-е годы. Для следующих периодов, когда русские марксисты по преимуществу отказались «от тех немногих завоеваний, которые были сделаны в прошлом» (с. 559), ученый признает большую продуктивность их западных коллег (Т. Адорно, Ж. Сартра, Г. Маркузе, В. Бенямина). Вместе с тем недостаточно освещена роль Д. Лукача и М. Лифшица, пытавшихся и дальше разрабатывать марксистскую эстетику. Значение теории «вопрекизма» корректнее было бы оценивать не диахронически, как это делает автор, в контексте предвосхитивших ее высказываний Г. В. Плеханова, а на синхронном уровне, применительно к условиям интеллектуального догматизма 1930-х годов.

Несмотря на то что книга имеет разветвленную структуру (основной корпус текста состоит из семи частей), компактно ее можно представить в трех измерениях. Первое — *методологическое*. В начальных главах (I—III) рассмотрены различные аспекты обоснования и применения принципов марксистской критики в связи с политическими, идеологическими и аксиологическими проблемами. Сюда же примыкает восприятие этих принципов как противниками, так и адептами марксистского подхода (гл. IV).

Безусловно, со временем марксистское литературоведение в России, утратив свои «классификационные» признаки, «стало все больше приобретать черты культурно-исторического метода» (с. 8). Но многое из того, что и сегодня составляет поле методологических операций в науке, впервые сформулировали (или предугадали) марксисты, изучавшие литературу как часть социокультурного пространства в связи с политикой (не здесь ли истоки будущих разговоров о «литературократии?»), экономикой (задолго до постановки младоформалистами проблемы «словесность и коммерция»), социологией (в желании П. С. Когана сделать читателя «ответственным за существование и распространение произведений» (с. 375) немало общего с превознесением роли реципиента в модных ныне концепциях), аксиологией (на правах отдельной категории «ценность» включена в новейшие труды по теории литературы). Марксисты в числе первых почувствовали появление массового героя, а также рождение в театре социально-политической драмы; наконец, подтверждена объективная пригодность их принципов к изучению низовой литературы, где авторская индивидуаль-

ность сглажена, а первостепенное значение приобретает содержательный компонент.

Обнажить продуктивные открытия марксистской методологии исследователю помогает расширение контекста: сопоставление высказываний русских и западных критиков-марксистов о литературе (в одних случаях выявляется подражательность работ отечественных авторов, а в других — их приоритет); поиск соответствий в критике Серебряного века (филигранное сравнение Л. Д. Троцкого с М. А. Волошиным, Д. С. Мережковским, В. В. Розановым, выявление сходств в проектах развития театрального действия у В. М. Фриче и В. И. Иванова); привлечение в одном ряду дискуссионных суждений об анализируемом феномене как от газетных репортеров, так и Н. А. Бердяева, Б. М. Эйхенбаума, В. Ф. Эрн (неравноценность материала передает реальную историческую обстановку).

Второе измерение книги — тематическая направленность марксистской критики. Перед нами — разбор воззрений ее деятелей на *прошлое* (гл. V), *будущее* (гл. VI) и *настоящее* (гл. VII). Так, вопреки сложившимся стереотипам, в отношении литературной традиции у марксистов не было повсеместного нигилизма (речь шла о «приспособлении» классики), а споры в их собственной среде развернулись не только вокруг Л. Н. Толстого (с его оценкой «в чем-то совпадает восприятие Ибсена западными социал-демократами» (с. 353)), но также Н. А. Некрасова (с акцентом на соотношении «социального» и «художественного») и революционных демократов (характерно открепивание Плеханова от наследия Д. И. Писарева). При этом в утопических проектах чаемого «государственного меценатства» критики-марксисты не смогли разглядеть «тенденцию к самоустранению» (с. 464), зато применительно к своему времени выстроили систематику литературных направлений без абсолютизации социальных категорий.

Последнее измерение — *предыстория*, вынесенная в приложение, которое посвящено предтече марксистского литературоведения Е. А. Соловьеву-Андреевичу и партийному критику-публицисту А. Н. Потресову и решает принципиальную для автора задачу по возвращению имен. Изданная книга убеждает, что история марксистской критики учит нас «терпимости по отношению к фактам, даже если они представляются абсолютно непродуктивными» (с. 10), а «в распаде марксизма содержится прообраз судьбы всех тех доктрин, которые претендовали на глобальность» (с. 11). Если современное литературоведение усвоит этот урок, то будущее у него есть.